

DOI: 10.31857/S086919080024982-7

ПАКИСТАН – «ТАЛИБАН»: ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2023

Г.Г. МАЧИТИДЗЕ^а

^а – Институт международных исследований МГИМО МИД России
ORCID: 0000-0003-2402-1909; mggkabal@gmail.com

Резюме: В статье анализируются сложные отношения между Пакистаном и афганским движением «Талибан» на протяжении более двадцати лет. Тесное сотрудничество двух сторон, особенно на первом этапе, сменялось периодами напряженности. Негативное влияние на отношения оказывала нерешенная проблема признания линии Дюранда в качестве государственной афгано-пакистанской границы. Автор отмечает стремление Исламабада иметь лояльное правительство в Кабуле, которое было бы не подвержено сильному воздействию идей пуштунского национализма. Подчеркивается важная роль Объединенного разведывательного управления (ОРУ) Пакистана не только в оказании всесторонней помощи движению «Талибан», но и организации плотного контроля за его деятельностью. В работе исследуется политика Пакистана, направленная на сочетание поддержки движения «Талибан» с американо-пакистанскими отношениями в рамках асимметричного союза. Цель статьи состоит в том, чтобы показать степень результативности политики Исламабада, в основе которой лежит стремление угодить разным сторонам с противоположными политическими интересами. В заключении автор приходит к выводу, что афганская политика Пакистана характеризуется отсутствием достижений по основным внешнеполитическим вопросам. В 2021 г. пакистанцы не смогли интегрировать талибов в афганские структуры власти для формирования временного правительства Афганистана. После прихода талибов к власти влияние Исламабада на Кабул уменьшилось, пакистанцы не смогли убедить талибов соблюдать международные требования в управлении страной, пакистано-афганская граница не признана, активизировались контакты Афганистана с Индией, Пакистан перестал быть незаменимым партнером для США на афганском треке, Исламабад не смог убедить Кабул отказаться от поддержки экстремистского «Движения талибов Пакистана». Вместе с тем Исламабад по-прежнему считает своих бывших афганских союзников основным средством сохранения позиций Пакистана в Афганистане, рассчитывая убедить афганских талибов принять изменившиеся международные реалии.

Ключевые слова: Пакистан, «Талибан», США, линия Дюранда, пуштунский национализм, концепция «стратегической глубины».

Для цитирования: Мачитидзе Г.Г. Пакистан – «Талибан»: парадоксальные отношения. Восток (Oriens). 2023. № 4. С. 140–151. DOI: 10.31857/S086919080024982-7

PAKISTAN – TALIBAN: A PARADOXICAL RELATIONSHIP

© 2023

Georgy G. MACHITIDZE^a

^a – Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2402-1909, mggkabal@gmail.com

Abstract: *This article analyses the complex relationship between Pakistan and the Afghan Taliban over the twenty years' period. The unresolved issue of recognition of the Durand Line as the Afghan-Pakistan state border has had a negative impact on the relationship. The author notes the divided nature of Pashtun society on both sides of the Durand Line and Islamabad's desire for a loyal government in Kabul that would not be strongly influenced by Pashtun nationalist ideas. The work explores Pakistan's policy of combining support for the Taliban with US-Pakistan relations in an asymmetric alliance. The aim of the article is to show the extent to which Islamabad's policy of trying to please both the US and Afghanistan has been successful. The author concludes that Pakistan's Afghan policy is characterized by a lack of achievement on major bilateral issues. After the Taliban had come to power, Islamabad's influence over Kabul diminished, the Pakistanis failed to persuade the Taliban to comply with international requirements for state governance. The Pakistani-Afghan border was not recognized, Afghanistan's contacts with India intensified, Pakistan ceased to be an indispensable partner for the US in the Afghan track and Islamabad failed to persuade Kabul to withdraw support for the extremist Taliban Movement of Pakistan. In spite of all setbacks, Islamabad still views its former Afghan allies as the primary means of maintaining Pakistan's position in Afghanistan, hoping to convince the Afghan Taliban to accept the changed international realities. Islamabad is trying to convince the West that only incentives rather than pressure can change Kabul's approach.*

Keywords: *Pakistan, Taliban, USA, Durand Line, Pashtun nationalism, concept of "strategic depth".*

For citation: Machitidze G.G. Pakistan – Taliban: A Paradoxical Relationship. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 140–151. DOI: 10.31857/S086919080024982-7

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении десятилетий афганское измерение неизменно оставалось важной частью региональной политики Пакистана, который стремился к политическому доминированию в регионе. Вместе с тем отношения как между Пакистаном и Афганистаном, так и между афганскими талибами и Исламабадом, носили нестабильный характер. Не секрет, что эти отношения находились под воздействием застаревшей и до сих пор не разрешенной проблемы, связанной с линией Дюранда, которая разделила традиционную для пуштунов родину «Пуштунистан» на две части [Москаленко, Топычканов, 2013, с. 35–36]. Ни одно афганское правительство, включая нынешнюю власть талибов в Кабуле, не признало линию Дюранда в качестве афгано-пакистанской границы. Оказалось, что пуштуны отделены друг от друга не только линией Дюранда, но и мировоззренчески. Об этом свидетельствуют беседы автора с представителями пакистанского чиновничества пуштунской национальности, которые никак не связывают себя с афганскими пуштунами и не разделяют их националистических взглядов. Многие афганские беженцы пуштунской национальности, нашедшие убежище в Пакистане, не торопятся возвращаться на родину, которая испытывает огромные экономи-

ческие трудности и где зачастую беженцев ожидает участь временно перемещенных лиц. Наоборот, в современных сложных условиях обедневшие афганцы пуштунской национальности вновь ищут убежище и средства к существованию в Пакистане.

Что же касается афганских талибов, то национальная идея объединения с пакистанскими пуштунами никогда не оставляла их в покое. Даже сформированные на основе деобандийской школы религиозно-политические взгляды боевиков движения «Талибан» (ДТ), а также связи со своими традиционалистскими и фундаменталистскими пакистанскими союзниками из «Джамаат-е ислами» не могли поколебать идею единого «Пуштунистана» [Плешов, 2001].

Втянувшись в афганский кризис, Исламабад целенаправленно стремился к тому, чтобы иметь в Кабуле максимально лояльное Пакистану правительство. Подобный подход был основой концепции «стратегической глубины», создание в Афганистане прочного тыла в противостоянии с Индией. Подходящими инструментами для реализации концепции «стратегической глубины» стали афганские исламистские организации в 1980-х гг., которых в дальнейшем с успехом заменило созданное при непосредственном участии Объединенного разведывательного управления (ОРУ) и отставных офицеров-пуштунов из пакистанской армии движение «Талибан» [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003]. На том этапе пакистанцы строили планы об интегрировании ДТ в той или иной форме в афганские властные структуры.

Одновременно пакистанские правящие круги никогда не забывали о значимости своего асимметричного союза, правда, в качестве младшего партнера, с США, от которых Пакистан регулярно получал военную помощь, а также кредиты по линии международных финансовых организаций. Для того чтобы следовать своим национальным интересам, Исламабаду необходимо было на протяжении многих лет постараться «усидеть на двух стульях». В этой противоречивой ситуации пакистанская элита вынуждена была идти на определенные уступки Вашингтону, оказывая при этом всестороннюю помощь афганским талибам. Поэтому и задача автора состоит в том, чтобы показать степень результативности такой политики Пакистана, в основе которой лежит стремление угодить разным сторонам с противоположными интересами.

РЕТРОСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА ПАКИСТАНА С ДВИЖЕНИЕМ «ТАЛИБАН»

Поддерживая в 1990-х гг. тесные отношения с афганскими талибами, пакистанцы опасались быть обвиненными в одновременной поддержке и «Аль-Каиды»¹, которая базировалась в Афганистане. Поэтому Исламабад предпринимал усилия, чтобы отделить борьбу с международным терроризмом от действий в отношении афганских талибов, даже несмотря на то, что в конце 1990-х гг. они стремились ослабить свою зависимость от Пакистана, проявляя все больше самостоятельности [Белокреницкий, 2016, с.83–91].

Террористические атаки «Аль-Каиды»² 11 сентября 2001 г. и начало военной операции «Несокрушимая свобода» вынудили Пакистан отстраниться от движения «Талибан». Хотя позже станет очевидно, что серьезного разрыва между ними не произошло, скорее отстранение было показным. Так, в ходе Боннской конференции по Афганистану в декабре 2001 г. Исламабад настаивал на привлечении «умеренных» функционеров движения «Талибан» к формированию новой политической системы Афганистана, однако это не нашло поддержки у других участников конференции [Afghanistan, 2003].

¹ Запрещена в РФ.

² Запрещена в РФ.

Двойственность и противоречивость подходов пакистанских властей к афганским талибам также выявилась после того, как пакистанская армия под мощным давлением США начала в 2002 г. операцию «аль-Мизан» в «зоне расселения племен», где нашли себе убежище афганские талибы и остатки «Аль-Каиды». В агентстве Южный Вазиристан был установлен контроль над горными дорогами и основными населенными пунктами. Однако контроль носил по преимуществу неполный и временный характер в связи с отводом войск в зимнее время на базы постоянной дислокации вне племенной полосы. Практически военные операции в Южном Вазиристане начались лишь в феврале 2004 г. В этой связи в расчете на тесное взаимодействие на контртеррористическом фронте Вашингтон в марте 2004 г. присвоил Пакистану статус основного союзника США вне НАТО [Raman, 2004].

Однако в 2006 г. операция «аль-Мизан» завершилась мирным соглашением, заключенном по инициативе пакистанского правительства [Salim, Khan, 2019]. С 2007 по 2010 г. Исламабад провел еще несколько войсковых операций в племенном поясе, сыграв главную роль в поимке таких известных функционеров «Аль-Каиды»³, как Абу Зубайда, Рамзи бин аль-Шибх и Шариб Ахмад [Ahmad, 2016]. В то же время в августе 2005 г. Усама бен Ладен разместился с семьей в городе Абботабад, где расположены как военные, так и гражданские государственные учреждения федерального значения [Riedel, 2013]. Совершенно невероятно предполагать, что ОРУ не знало о его местопребывании в течение шести лет, что наводит на разные конспирологические мысли.

Складывающиеся в начале 2000-х гг. отношения между Пакистаном и афганскими талибами можно охарактеризовать как тайный асимметричный альянс, в котором Исламабад, несомненно, играл роль ведущего. Все, что касалось афганских дел и контактов с талибами, не только находилось под плотным контролем Объединенного разведывательного управления (ОРУ), но и управлялось ими [Coll, 2018]. Располагаясь в пакистанской Кветте, руководство движения «Талибан» организовывало военные операции против правительственных сил в южных афганских провинциях Гильменд, Кандагар, Урузган и Заболъ. Боевиков доставляли к афганской границе на пакистанских военных грузовиках [Pakistan's Tribal, 2006].

Воинствующий исламизм афганских талибов не мог не стать демонстрационным эффектом для пакистанских экстремистских группировок. Весной 2007 г. Байтулла Мехсуд объявил о создании зонтичной организации под названием «Движение талибов Пакистана» (ДТП), которая объединила ряд групп боевиков пуштунской национальности, действующих на территории племен и пытающихся установить там шариатское правление [Militants Overrun, 2008]. Группировка достаточно быстро укрепила свои позиции в агентствах Баджаур, Северный и Южный Вазиристан, а также в районе Свата. В отличие от своих афганских коллег ДТП решительно выступала и выступает против пакистанского государства. Начиная с 2008 г., группировка провела целую серию резонансных террористических атак, создав серьезную угрозу внутренней безопасности Пакистана.

В связи с ростом напряженности в регионе Аф-Пак стало понятно, что проблемы обеспечения безопасности Пакистана не могут быть решены без решения проблем безопасности Афганистана, так как эти страны неразрывно связаны между собой. При этом Исламабаду необходимо было иметь в соседней стране союзника, на которого можно было бы сделать ставку, несмотря на то что большинство членов пакистанской правящей элиты не разделяли радикальных исламистских взглядов движения «Талибан». Однако они рассматривали внешнюю политику с позиций геополитического соперничества с Индией в Южной Азии. Тем более, что в пакистанских правящих кругах сложилось мнение, что пребывание США в Афганистане не затянется надолго, следовательно, недалек был тот час, когда

³ Запрещена в РФ.

афганские талибы могли вновь пригодиться. Однако для международного признания движения «Талибан», в случае его вхождения во власть, необходимо было «обелить» талибов, показать, что они являются общенациональным освободительным афганским движением, не несущим угрозу другим странам. В сентябре 2009 г. Мулла Омар, предположительно с подачи пакистанцев, впервые заявил, что талибы хотят наладить основанные на взаимном уважении отношения со всеми соседними государствами и заверил их в отсутствии угроз с территории Афганистана [Ruttig, 2021].

В конце 2010-х гг. участники афганского конфликта все больше стали задумываться о поиске путей его урегулирования. Среди части руководства движения «Талибан» доминировала точка зрения, что достичь победы военными средствами, а тем более восстановить Исламский Эмират Афганистан, практически невозможно. В обход каналов, контролируемых Пакистаном, стали предприниматься попытки выйти на переговоры с афганским правительством, которое было настроено на запуск процесса «примирения». Для восстановления контроля над действиями руководящих деятелей движения «Талибан», направленными на национальное примирение, ОРУ в 2007 г. арестовало заместителя Муллы Омара Муллу Обайдуллу, в 2010 г. были арестованы другие заместители лидера ДТ Мулла Барадар и Мавлави Абдул Кабир, а также смещены со своих постов ряд влиятельных полевых командиров и теневых губернаторов [Ruttig, 2010]. Поначалу эти аресты и другие репрессивные меры обрадовали Вашингтон, однако, как выяснилось, они не свидетельствовали об изменении политики Пакистана по всесторонней поддержке афганских талибов. В то же время пакистанцы внимательно следили за деятельностью ставшего заместителем лидера ДТ Муллы Ахтара Мохаммада Мансура и за его ближайшим окружением. Группа сопротивлялась пакистанскому контролю в стремлении найти убежище и финансирование в других местах, боролась против фрагментации ДТ, предпринимала усилия, направленные на институционализацию движения [Franco, 2013].

Военные операции Пакистана на протяжении многих лет в «зоне расселения племен» сопровождалась не только многочисленными жертвами среди боевиков, военнослужащих, полицейских и мирных жителей, но и перемещением большой массы людей из районов предполагаемых боев в безопасные места. В период с 2001 г. по 15 мая 2011 г. произошло 423 инцидента, в которых погибло не менее 1 322 сотрудников сил безопасности, и еще 2 582 было ранено [Khan, 2014]. Характерной чертой значительного числа террористических нападений было то, что они осуществлялись смертниками-самоубийцами. В 2002–2006 гг. было совершено 22 таких атак, в 2007 г. их число возросло до 57, а в 2008–2013 гг. составило 23539 [Топычканов, 2013, с. 69]. Необходимо отметить, что практика использования «смертников» была заимствована афганскими и пакистанскими талибами у арабских джихадистов. Другой особенностью являлась направленность насилия против шиитов, иноверцев и иностранцев.

К 2015 г. пакистанские спецслужбы убедились в неискоренимости идеи единого «Пуштунистана» в сознании руководителей движения «Талибан». Поэтому в Исламабаде стали задумываться над изменением природы афганского правительства в будущем, что должно было сопровождаться заменой в нем пропуштунских националистических элементов на ортодоксальных панисламистов. В недрах ОРУ возникла даже идея объединить активизировавшуюся в Афганистане группировку ИГИЛ⁴–Хорасан с движением «Талибан». Подобная синергия позволила бы укрепить и расширить повстанческое движение в Афганистане, отвлечь внимание ИГИЛ⁵–Хорасан от Пакистана и создать предпосылки для нейтрализации пуштунского фактора и формирования в будущем афганского прави-

⁴ Запрещена в РФ.

⁵ Запрещена в РФ.

тельства исключительно исламистской направленности. В начале 2015 г. полевые командиры движения «Талибан» Мулла Абдул Рахим, Мулла Нанаи Ага, Мулла Башир и Мулла Наби Ахунд пытались помешать представителям ИГИЛ–Хорасан вербовать в свои ряды талибов в афганской провинции Логар. Вскоре полевые командиры были вызваны в Пакистан и после прибытия в Кветту арестованы пакистанскими властями. Все это одновременно происходило на фоне принятия присяги на верность лидеру ИГИЛ⁶ Абу Бакру аль-Багдади рядом полевых командиров «Движения талибов Пакистана» [Craig, Khan, 2014].

В середине 2015 г. Исламабад в очередной раз продемонстрировал свою способность обуздать непослушных руководящих функционеров движения «Талибан» в связи с первыми, по сути, официальными меж-афганскими переговорами, которые состоялись седьмого июля под Исламабадом с согласия второго по значимости в ДТ человека, Муллы Ахтара Мохаммада Мансура, управлявшего движением якобы по поручению Муллы Омара. Почувствовав, что Мулла Мансур собирается вести переговоры о мире с официальным Кабулом без какого-либо контроля со стороны Пакистана, с большой долей вероятности именно ОРУ дало утечку сведений о том, что лидер ДТ Мулла Омар умер еще в 2013 г. Получалось, что Мулла Мансур незаконно узурпировал власть, возник скандал, однако в итоге ему удалось получить поддержку большинства религиозных авторитетов и официально стать лидером движения. Более того, Мулла Мансур смог вернуть в лоно партии многих высокопоставленных диссидентов, которые также присягнули ему на верность [Sheikh, Khan, 2019, p. 29–31]. Вместе с тем пакистанцам удалось продвинуть на пост заместителя лидера ДТ Сираджуддина Хаккани. Другой причиной недовольства ОРУ были активные контакты Муллы Мансура с иранцами.

В конце мая 2016 г. Мулла Мансур был убит после возвращения из Ирана с помощью американского дрона в Белуджистане. Казалось, это было выгодно обеим сторонам, и США, которые хотели заставить талибов начать процесс примирения, и Пакистану, который пытался фрагментировать движение «Талибан» и усилить контроль над ним, сменив руководство [Rubin, 2016]. Однако, несмотря на усилия Пакистана и США, афганские талибы сумели преодолеть раскол под руководством вновь избранного лидера Хайбатуллы Ахундзады и даже активизировали повстанческую деятельность. После гибели Муллы Мансура на 18% увеличилось число атак, инициированных талибами, количество контролируемых ДТ районов увеличилось с 41 до 45, рост на 7,1% [Wilson, 2017]. Таким образом, в целом военное нападение США на Муллу Мансура не достигло намеченных политических целей.

Предпринятые в 2014–2018 гг. военные наступательные операции вооружённых сил Пакистана «Зарб-э-Азб» и «Радд-уль-Фасаад» против исламистских повстанческих группировок и террористических «спящих ячеек» породили определенные надежды в Кабуле, что эта борьба будет направлена и против движения «Талибан» на фоне заверений Исламабада о поддержке переговорного процесса между афганскими властями и талибами. На самом деле Пакистан ограничился лишь вытеснением на территорию Афганистана экстремистских группировок пакистанской и среднеазиатской направленности. При этом Исламабад всячески пропагандировал свою «судьбоносную» роль в вопросе урегулирования афганского конфликта, давая понять Кабулу, что без пакистанского участия в этом процессе вряд ли что-нибудь получится. Ухудшающаяся ситуация с безопасностью в Афганистане ставила под сомнение участие Пакистана в афганском мирном процессе.

Террористическая деятельность ИГИЛ–Хорасан в Афганистане и частично в Пакистане оценивалась ОРУ и афганскими талибами как общая угроза, которой необходимо было противостоять сообща. При этом Исламабад не был согласен с точкой зрения прави-

⁶ Запрещена в РФ.

⁷ Запрещена в РФ.

тельства Ашрафа Гани о том, что движение «Талибан» является своеобразной версией ИГИЛ–Хорасан [Tamanna, 2015]. Не подтверждаются подобные обвинения и многочисленными объективными данными о том, что афганские талибы, начиная с 2015 г., не прерывали решительной борьбы против группировки ИГИЛ–Хорасан на территории Афганистана.

Пакистан одним из первых способствовал негласным попыткам администрации президента США Барака Обамы приступить к диалогу с талибами. Однако именно решение президента Дональда Трампа в 2018 г. начать прямые, открытые переговоры США с талибами давали Исламабаду шанс рассчитывать в обозримом будущем на вхождение талибов во властные структуры Афганистана. Поэтому Пакистан приветствовал соглашение между США и талибами от 29 февраля 2020 г., в котором была установлена дата вывода иностранных войск из Афганистана в обмен на обещание талибов, что афганская земля не будет использоваться против безопасности США и их союзников [*Agreement for Bringing*, 2020].

В Исламабаде полагали, что американо-талибское соглашение послужит интересам Пакистана. Во-первых, оно должно было положить конец долголетнему вооруженному конфликту в Афганистане. Во-вторых, соглашение могло помочь стабилизировать ситуацию на северо-западной границе Пакистана. В-третьих, оно могло способствовать реализации пакистанских интересов в Афганистане. В-четвертых, Исламабад с учетом поддержки инициированного Вашингтоном соглашения с талибами мог бы рассчитывать на стабилизацию своих натянутых отношений с США. Политические дивиденды от реализации этого соглашения для Пакистана были вполне очевидны, но 2021 год внес существенные коррективы в пакистанские планы.

«ТАЛИБАН» У ВЛАСТИ: НЕОЖИДАННЫЙ РАЗВОРОТ

Правящие пакистанские элиты, которые десятилетиями поддерживали афганских талибов, были нацелены на то, чтобы новая политическая власть в Афганистане формировалась путем мирного интегрирования талибов в состав действующего правительства, обладающего как международной легитимностью, так и внешней финансовой помощью. Однако в начале 2021 г. среди осмелевших боевиков движения «Талибан» наблюдалось открытое сопротивление попыткам Пакистана диктовать им образ действий. Почувствовав слабость кабульского режима и сокращение военных возможностей США и их союзников в Афганистане, талибы активизировали наступление без оглядки на Исламабад. Правда, после краха правительства Ашрафа Гани в Кабуле в августе 2021 г. в Пакистане царило, как выяснилось позже, преждевременное всеобщее ликование. Военная верхушка, спецслужбы и консервативные слои населения были воодушевлены в связи с тем, что иностранные войска покидают Афганистан [Kaiga, 2022]. Первоначальная эйфория скорее всего жидилась на том, что у Исламабада при новой талибской власти могла появиться возможность укрепить свое влияние в Афганистане. При этом никак не учитывались возможные негативные побочные эффекты от режима талибов.

Увеличилось количество вооруженных столкновений вдоль спорной афгано-пакистанской границы, которые мирным путем разрешить не удалось. Ключевым фактором напряженности в двусторонних отношениях остается непризнание талибами линии Дюранда в качестве международной границы между двумя странами. Захват талибами власти в Афганистане создал для Пакистана дипломатические проблемы и проблемы в сфере безопасности. Исламабад не желает в одностороннем порядке официально признавать правительство талибов, которому не хватает международной легитимности и сопутствующих экономических преимуществ, и требует от талибов изменения политики в области средств массовой информации, образования, соблюдения прав женщин, а также

претворения в жизнь принципа инклюзивности при формировании властных структур. Вместе с тем Пакистан предлагает Кабулу прибегнуть к упрощенному варианту реализации упомянутых требований. В частности, рекомендует сделать выбор, по крайней мере, в пользу фасада инклюзивного правительства и продемонстрировать хотя бы символическое уважение основных прав и свобод [Yousaf, 2022]. Что касается обязательств бороться с терроризмом, данных движением «Талибан» мировому сообществу во время подписания соглашения с США, то в Исламабаде полагают, что афганские талибы не могут за короткий срок пребывания у власти сделать то, чего альянс НАТО не смог сделать за 20 лет. Поэтому Кабулу следует дать шанс для выполнения этого обязательства [O'Connor, 2022].

На Западе утверждают, что талибы не одержали бы столь убедительной победы без активной поддержки Пакистана на протяжении многих лет и что Исламабад недостаточно использует рычаги воздействия на талибов, чтобы изменить их поведение. Вывод американских войск из Афганистана практически обнулил зависимость США от Пакистана, который перестал быть передовым государством в борьбе Вашингтона с терроризмом. Соответственно, возникает вопрос: является ли Пакистан незаменимым партнером или препятствием в поиске решений проблем безопасности в Афганистане? Вашингтон отказался от посреднических усилий Пакистана, чтобы самостоятельно вести прагматичный диалог с афганскими талибами. США также заявили, что не нуждаются в воздушном пространстве Пакистана для проведения специальных операций на территории Афганистана [Pak help, 2022]. В то же время эскалация террористического насилия в Пакистане волнует США с точки зрения обеспечения ядерной безопасности, которая может быть нарушена в связи с террористической угрозой в стране.

Победа талибов в Афганистане превратилась в демонстрационный эффект, оказавший вдохновляющее воздействие на исламистские круги Пакистана. Порочная практика армейских кругов и ОРУ по поддержке исламистских группировок возвратилась бумерангом, стимулируя радикализацию взглядов значительной части пакистанского населения, которое стало выступать за утверждение более исламского характера страны на основе законов шариата. Поэтому для сохранения стабильности в Пакистане нельзя не учитывать глубокую разделенность пакистанского общества, для которого характерны межэтнические и межконфессиональные противоречия [Наумкин, 2014].

Характерным выражением этих противоречий стала террористическая деятельность «Движения талибов Пакистана», которое после ранее понесенных потерь сумело в 2020 г. присоединить к себе несколько экстремистских группировок, выступающих против пакистанского государства. Расширение рядов ДТП привело к эскалации насильственных акций в стране, которые стали более частыми после захвата власти афганскими талибами в Кабуле в августе 2021 г. [Sayed, 2021]. Между афганскими и пакистанскими талибами существует несомненное сходство. Оба движения – преимущественно пуштунские, но одновременно и исламистские, воспитанные на деобандизме. Руководство ДТП выступает за введение шариата в районах проживания племен и восстановление полуавтономного статуса, которым эти районы пользовались до того, как правительство объединило их с провинцией Хайбер-Пахтунхва в мае 2018 г. Налицо переплетение в деятельности пуштунов с одной и другой стороны этнического и религиозного факторов.

В настоящее время тысячи боевиков ДТП, вытесненные пакистанской армией из «зоны расселения племен» и материковой части провинции Хайбер-Пахтунхва, нашли убежище на востоке Афганистана, откуда планируются вооруженные нападения на пакистанские военные и гражданские объекты. Переговоры Пакистана с представителями ДТП не принесли положительных результатов. Особое раздражение у Исламабада вызвало бездействие Кабула против пакистанских боевиков, действующих с афганской территории,

что ставит под угрозу внутреннюю безопасность Пакистана [Instability in Pakistan, 2023]. Однако вряд ли можно считать позицию афганских властей чем-то из ряда вон выходящим. Пакистанские талибы предоставили в начале 2000-х гг. убежище боевикам движения «Талибан» в «зоне расселения племен». Контакты между этими двумя организациями никогда не прерывались. После победы афганских талибов сотни полевых командиров и бойцов ДТГ к неудовольствию Исламабада были освобождены движением «Талибан» из афганских тюрем, а лидер ДТГ Нур Вали Мехсуд подтвердил свою верность эмиру талибов Хайбатулле Ахундаде. Тем не менее, правительство Пакистана не рассматривает ДТГ в качестве самой большой угрозы, учитывая политические и экономические вызовы. Однако оно полагает, что группировку нужно остановить, иначе это может перерасти в серьезный кризис [Afzal, 2023].

Нельзя отрицать того факта, что Пакистан обеспокоен сохраняющейся нестабильностью в Афганистане, который на фоне продолжающихся западных санкций и замораживания донорской помощи находится на грани экономического коллапса с потенциальными трансграничными последствиями, включая новые волны беженцев, ищущих убежища на территориях соседних государств. В Исламабаде внимательно следят за продолжающимися связями Кабула с базирующимися в Афганистане боевиками ДТГ и другими экстремистскими группировками, а также отслеживают потенциальное влияние исламистского правления афганских властей на пакистанские радикальные группировки. Сохраняются опасения, что в результате Афганистан превратится в дестабилизирующий фактор для всего региона [Radfar, 2022].

Вероятно, поэтому, несмотря на разногласия с Кабулом, в том числе в отношении свободного трансграничного передвижения афганцев, Пакистан защищает афганское правительство, призывая США и их западных союзников сотрудничать с афганскими талибами и отменить экономические санкции, а также выступает за активизацию регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом. В то же время пакистанские официальные лица продолжают советовать талибам пойти на компромисс с международным сообществом, чтобы избежать дипломатической изоляции [Pakistan foreign, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политику Пакистана на афганском направлении пока нельзя назвать успешной с точки зрения достижения поставленных целей. После захвата талибами власти в Афганистане влияние Исламабада на них уменьшилось, талибы менее склонны прислушиваться к указаниям некогда влиятельного соседа. Далеко от решения один из главных вопросов — признание линии Дюранда в качестве афгано-пакистанской границы. Де-факто правительство Афганистана не удалось убедить сделать необходимые уступки международным требованиям в отношении управления страной и отказаться от поддержки пакистанских талибов. Отношения между Кабулом и Нью-Дели стали менее враждебными в связи с тем, что Индия в обозримом будущем может предоставить столь необходимое финансирование для реконструкции и развития Афганистана, а это сведет на нет пакистанскую концепцию «стратегической глубины». Пакистан из-за нестабильности в Афганистане не смог открыть себе прямой путь в Центральную Азию для налаживания торгово-экономических контактов с этими странами. Позитивным моментом в двусторонних отношениях является взаимодействие Кабула и Исламабада в борьбе с ИГИЛ⁸ за счет обмена разведанными.

Пакистан не является более незаменимым партнером для США на афганском направлении, американцы стараются напрямую взаимодействовать с режимом талибов.

⁸ Запрещена в РФ.

Определенное недоверие между Вашингтоном и Исламабадом сохраняется, учитывая долгую историю сотрудничества пакистанцев с наиболее радикальной частью движения «Талибан». Не исключено, что США будут опираться на «умеренных» руководителей Афганистана, что может привести к укреплению позиций пуштунских националистов в противовес воинствующему исламу.

Тем не менее Исламабад по-прежнему считает своих бывших афганских союзников основным инструментом сохранения позиций Пакистана в Афганистане. Пакистанские власти полагают, что они лучше, чем любой другой региональный или внерегиональный игрок, могут убедить афганских талибов принять изменившиеся международные реалии. Поэтому и дипломатическое наступление Пакистана направлено на то, чтобы убедить Запад в том, что стимулы, а не давление, способны изменить поведение талибов. С учетом новой реальности в Афганистане Исламабад призывает внешних игроков разработать дорожную карту, которая приведет к дипломатическому признанию де-факто афганского правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белокреницкий В.Я. Пакистан и афганский кризис. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Том 60. № 3. С. 83–91 [Belokrenitsky V.Y. Pakistan and the Afghan Crisis. *World Economy and International Relations*. 2016. Vol. 60. No. 3. Pp. 83–91 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. *Южная Азия в мировой политике*. М.: ИВ РАН, 2003. <https://book.ivran.ru/f/yuzhnaya-aziya-v-mirovoj-politike-tekst-knigi-2003-g.pdf> (дата обращения: 25.02.2023) [Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N., Shaumian T.L. *South Asia in the World Politics*. Moscow: IOS RAS, 2003. <https://book.ivran.ru/f/yuzhnaya-aziya-v-mirovoj-politike-tekst-knigi-2003-g.pdf> (accessed: 25.02.2023) (in Russian)].

Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Сила и слабость Пакистана. Москва. *Московский Центр Карнеги*. 2013. https://carnegieendowment.org/files/Strengths_and_Weaknesses_of_Pakistan_web1.pdf (дата обращения: 26.02.2023) [Moskalenko V.N., Topychkanov P.V. *Strengths and Weaknesses of Pakistan*. Moscow: Moscow Carnegie Center, 2013. https://carnegieendowment.org/files/Strengths_and_Weaknesses_of_Pakistan_web1.pdf (accessed: 26.02.2023) (in Russian)].

Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств. *Восток (Oriens)*. 2014. № 4. С. 5–20. [Naumkin V.V. The Problem of Civilizational Identification and the Crisis of States. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 4. Pp. 5–20 (in Russian)].

Плешов О.В. Исламизм и номинальная демократия в Пакистане. *Ислам и политика*. М.: ИВ РАН, 2001. С. 208–230. <https://book.ivran.ru/f/islam-i-politika.pdf> (дата обращения: 01.03.2023) [Pleshov O.V. Islamism and Nominal Democracy in Pakistan. *Islam and Politics*. Moscow: IOS RAS, 2001. Pp. 208–230. <https://book.ivran.ru/f/islam-i-politika.pdf> (accessed: 01.03.2023) (in Russian)].

Топычканов П.В. Военные операции в северо-западном Пакистане. *Экспорт вооружений*. 2013. № 4. С. 69–75. <http://cast.ru/contents.php> (дата обращения: 02.03.2023) [Topychkanov P.V. Military Operations in Northwest Pakistan. *Eksport vooruzheniy (= Arms Export)*. 2013. No. 4. Pp. 69–75. <http://cast.ru/contents.php> (accessed: 02.03.2023) (in Russian)].

Afghanistan: The Problem of Pashtun Alienation. International Crisis Group. *Asia Report No. 62*. 05.08.2003. www.crisisgroup.org/library/documents/report_archive/A401078_05082003.pdf (accessed: 03.03.2023).

Afzal M. Pakistan: Five Major Issues to Watch in 2023. *Brookings*. 13.01.2023. <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2023/01/13/pakistan-five-major-issues-to-watch-in-2023/> (accessed: 11.03.2023).

Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America.

U.S. Department of State. 29.02.2020. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 10.03.2023).

Ahmad M. Mapping Pakistan's internal dynamics. *The National Bureau of Asian Research*. NBR special report No. 55. 2016. https://eprints.soas.ac.uk/22307/1/SR55_Mapping_Pakistan_February2016.pdf (accessed: 04.03.2023).

Coll S. Directorate S: *The C.I.A. and America's Secret Wars in Afghanistan and Pakistan. 2001–2016*. Penguin Press. 2018. <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/1682154/directorate-s-the-cia-and-americas-secret-wars-in-afghanistan-and-pakistan/> (accessed: 05.03.2023).

Craig T., Khan H. N. 'Pakistani Taliban leaders pledge allegiance to Islamic State'. *Washington Post*. 14.10.2014. <https://www.washingtonpost.com/world/pakistan-taliban-leaders-pledge-allegiance-to-islamic-state/2014/10/14/> (accessed: 09.03.2023).

Franco C. "The Evolving Taliban: Changes in the Insurgency's DNA." *Afghanistan Analysts Network*. 19.05.2013. www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/the-evolving-taliban-changes-in-the-insurgencys-dna (accessed: 07.03.2023).

Instability in Pakistan. *Center for Preventive Action*. 07.02.2023. <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/islamist-militancy-pakistan> (accessed: 10.03.2023).

Kaura V. Pakistan-Afghan Taliban relations face mounting challenges. *The Middle East Institute*. 02.12.2022. <https://www.mei.edu/publications/pakistan-afghan-taliban-relations-face-mounting-challenges> (accessed: 11.03.2023).

Khan Z.A. Military operations in FATA and PATA: implications for Pakistan. *Institute of Strategic Studies Islamabad*. 06.2014. https://www.issi.org.pk/wp-content/uploads/2014/06/1339999992_58398784.pdf (accessed: 07.03.2023).

Militants Overrun Pakistan Fort. *BBC News*. 17.01.2008. http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/7191200.stm (accessed: 06.03.2023).

O'Connor T. Pakistan FM Says Taliban Must Be Part of Asia Anti-Terror Fight. *Newsweek*. 16.12.22. <https://www.newsweek.com/exclusive-pakistan-fm-says-taliban-must-part-asia-anti-terror-fight-1767568> (accessed: 09.03.2023).

Pak help not needed for talks with Taliban, says US envoy. *Tribune*. 24.10.2022. <https://tribune.com.pk/story/2383255/pak-help-not-needed-for-talks-with-taliban-says-us-envoy> (accessed: 13.03.2023).

Pakistan foreign minister calls for easing sanctions on Afghanistan. *Reuters*. 30.06.2022. <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/pakistan-foreign-minister-calls-easing-sanctions-afghanistan-2022-06-30/> (accessed: 14.03.2023).

Pakistan's Tribal Areas: Appeasing the Militants. *International Crisis Group. Asia Report No. 125*. 11.12.2006. <https://www.refworld.org/pdfid/45a4b3d72.pdf> (accessed: 05.03.2023).

Radfar R. One Year After the Taliban Takeover: Regional Risks and Repercussions. *South Asian Voices*. 15.08.2022. <https://southasianvoices.org/the-talibans-repercussions-for-the-region-one-year-later/> (accessed: 11.03.2023).

Raman B. Pakistan as a Major Non-Nato Ally (MNNA) of US. *Observer Research Foundation*. 22.03.2004. <https://www.orfonline.org/research/pakistan-as-a-major-non-nato-allymnna-of-us/> (accessed: 02.03.2023).

Riedel B. Pakistan's Osama bin Laden Report: Was Pakistan Clueless or Complicit in Harboring Bin Laden? *Brookings*. 12.07.2013. <https://www.brookings.edu/opinions/pakistans-osama-bin-laden-report-was-pakistan-clueless-or-complicit-in-harboring-bin-laden/> (accessed: 04.03.2023).

Rubin B. An Assassination That Could Bring War or Peace. *The New Yorker*. 04.06.2016. <https://www.newyorker.com/news/news-desk/what-the-u-s-strike-on-the-taliban-means-for-peace-in-afghanistan> (accessed: 10.03.2023).

Ruttig T. Have the Taliban Changed? *CTC Sentinel*. March 2021. Volume 14. Issue 3. <https://ctc.westpoint.edu/have-the-taliban-changed/> (accessed: 06.03.2023).

Ruttig T. The Taliban Arrest Wave in Pakistan. *CTC Sentinel*. March 2010. Volume 3. Issue 3. <https://ctc.westpoint.edu/the-taliban-arrest-wave-in-pakistan-reasserting-strategic-depth/> (accessed: 07.03.2023).

Salim A., Khan P. Contextualizing Military Operations In Pak-Afghan Borderland & District Swat to Contain Fomenting Insurgencies. *Central Asia Journal*. 2019. No. 84. <https://www.asc-centralasia.edu.pk/index.php/ca/article/view/22> (accessed: 03.03.2023).

Sayed A. The Evolution and Future of Tehrik-e-Taliban Pakistan. *Carnegie Endowment for International Peace*. 21.12.2021. <https://carnegieendowment.org/2021/12/21/evolution-and-future-of-tehrik-e-taliban-pakistan-pub-86051> (accessed: 12.03.2023).

Sheikh M. K., Khan A. Prospects of a Settlement with the Afghan Taliban: Exit, Peace and Governance from the Taliban Perspective. *Danish Institute for Security Studies. DIIS Report no. 2019:01*. 2019. https://pure.dii.dk/ws/files/2635559/DIIS_Report_2019_1_Final.pdf (accessed: 09.03.2023).

Tamanna Z. Switching white flags for black: ISIL and Afghan Taliban. *Anadolu Agency*. 03.02.2015. <http://www.aa.com.tr/en/politics/switching-white-flags-for-black-isil-and-afghan-taliban/78274> (accessed: 12.03.2023).

Wilson J. Did Killing Mullah Mansour Work? *Council on Foreign Relations*. 25.05.2017. <https://www.cfr.org/blog/did-killing-mullah-mansour-work> (accessed: 11.03.2023).

Yousaf K. Pakistan gives damning assessment of Taliban's 16-month rule. *Tribune*. 17.11.2022. <https://tribune.com.pk/story/2386689/pakistan-gives-damning-assessment-of-talibans-16-month-rule> (accessed: 09.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЧИТИДЗЕ Георгий Григорьевич –
Старший научный сотрудник, кандидат
исторических наук, Центр ближневосточных
и африканских исследований ИМИ МГИМО
МИД России, Москва, Россия.

Georgy G. MACHITIDZE, PhD (History), Senior
Research Fellow, Center for Middle Eastern and
African Studies, MGIMO University, Moscow,
Russia.